

Когда все вернулись в особняк после лечения зуба Фэйфэя, там их уже ждали.

Было уже за десять вечера. Цзи Ичэн, успешно устроив дома разгром, с чувством победителя и гордости взял свой чемодан и снова вышел из дома, оставив отца наедине с хаосом и осколками его любимой вазы из клуазоне.

Цзи Ичэн торопился, боясь, что к его приезду в доме Линь уже все будут спать.

Однако, подъехав к старому особняку, он узнал от охранника у ворот, что вся семья Линь уехала больше часа назад.

Ничего не оставалось, как ждать в машине. Гостю не пристало входить в дом без хозяев. Такое воспитание у Цзи Ичэна всё же было.

Ожидая, он гадал: куда это они все поехали так поздно вечером? Даже Янцзы и Брат Кай с ними. Неужели... спонтанная семейная вечеринка?

Как несправедливо! И никто его не позвал!

Пока Цзи Ичэн сердито размышлял в машине, подъехал ещё один автомобиль. В нём сидели Линь Юйшо, Цуй Сюань и маленький Линь Яо.

Линь Яо был ещё мал и не мог обходиться без родителей. К тому же, мальчик был с характером: подпускал к себе только тех, кого хорошо знал или очень любил. Поэтому Линь Яо либо ездил с отцом, Линь Юйшо, в офис, либо проводил время с матерью, Цуй Сюань, в её студии.

Но с тех пор, как он познакомился с Фэйфэем, малыш перестал так цепляться за родителей. Главное, чтобы брат Фэйфэй был рядом, и всё было хорошо.

Однако Фэйфэй ходил в детский сад, а Линь Яо был ещё слишком мал для этого. Поэтому днём ему приходилось быть с родителями, но как только на улице начинало темнеть, Линь Яо начинал проситься домой.

Да, для Линь Яо старый особняк уже стал домом.

Малыш полюбил не только брата Фэйфэя, но и сам особняк. Ему нравилось быть здесь, с братом Фэйфэем, с дедушкой, дядями, папой и мамой — со всеми.

Едва завидев очертания особняка, двухлетний малыш с восторгом указал на ворота и сказал:

— Масина, ехать, домой к братику.

Линь Юйшо не хотел признаваться, что и сам к концу рабочего дня с нетерпением ждал возвращения домой, и лишь думал о том, какой же неугомонный у него сын.

Малыш не умел определять время, но, словно по встроенным часам, каждый день в одно и то же время начинал капризничать, требуя ехать домой, к брату.

И если ему хоть немного перечили, он мог поднять такой рёв, что его было слышно во всём офисе и даже в приёмной ассистентов за дверью.

Линь Юйшо от этого шума страдал мигренью и совершенно не мог сосредоточиться на работе.

Но что поделаешь, свой ребёнок, не выбросишь же.

Так, помимо бесстрашия, у маленького Линь Яо проявилась ещё одна черта будущего «крутого парня»: упрямство, пугающее упрямство.

Подъезжая к воротам, они встретили Цзи Ичэна. Линь Юйшо его знал, поэтому пропустил его машину внутрь.

Выйдя из машины, Линь Яо тут же семенящими ножками побежал в гостиную. Не найдя там никого, он нахмурился и, повернувшись к родителям, спросил:

— Братик, где?

Линь Юйшо, которому хотелось тишины, не желая снова слушать рёв, достал телефон:

— Папа сейчас позвонит и узнает.

Через минуту на том конце провода ответили. Линь Юйшо перекинулся парой фраз с Линь Сынянем и повесил трубку.

Он наклонился к Линь Яо и сказал:

— Твой брат Фэйфэй скоро вернётся. А ты пока посмотри мультики, поиграй с игрушками.

Услышав, что брат скоро будет, Линь Яо успокоился и побежал играть с Панпаном.

Примерно через двадцать минут снаружи послышался шум. Ушки Линь Яо, непонятно как устроенные, тут же уловили его. Он оторвался от игры с Панпаном, вскочил с ковра и, как маленький снаряд, понёсся к двери.

Фэйфэй, которого на руках внёс Линь Сынянь, выглядел вялым. Действие анестезии постепенно проходило, и хотя боли почти не было, во рту было очень кисло и неприятно.

Вернувшись домой, Фэйфэй собрался с силами, слез с рук и обнял Яояо.

— Братик, где был? — спросил Линь Яо.

— Батик был в больнице, — из-за онемения во рту Фэйфэй говорил немного шепеляво.

— Братик, болел? — услышав про больницу, Линь Яо тут же забеспокоился.

Фэйфэй покачал головой и указал на свою щеку:

— Кариес.

По дороге домой Фэйфэй пытался поговорить с папой и дедушкой с бабушкой, но обнаружил, что шепелявит. Линь Хань, сидевший с ними в одной машине, посмеялся над ним.

Хотя Линь Гошэн тут же отвесил Линь Ханю подзатыльник, чтобы тот замолчал, Фэйфэй до конца пути упорно молчал, стараясь говорить как можно меньше.

Линь Гошэн, слыша, как Фэйфэй с трудом выговаривает слова, бросил на Линь Ханя недовольный взгляд.

«С тобой ещё не рассчитались за шоколадки, а ты тут ещё и малыша расстроил!»

Линь Хань почувствовал себя виноватым. Он просто увидел, что после больницы зуб у Фэйфэя больше не болит, и обрадовался. А когда он радуется, то не может удержаться от шуток.

Линь Хань хотел было подойти к Фэйфэйю и что-то сказать, но тут к нему подскочил Цзи Ичэн с чемоданом.

— Я сбежал из дома. Сяо Ханьцзы, у тебя найдётся свободная комната?

— Сбежал из дома? — Линь Хань вспомнил, что ему говорил Цзян Ян, и быстро понял, в чём дело. Он с презрением посмотрел на Цзи Ичэна. — Если есть смелость, беги подальше. Какое же это бегство, если ты живёшь у меня?

Цзи Ичэн покачал головой:

— Ты не понимаешь.

Его побег из дома — это демонстрация позиции, а не желание действительно уехать далеко. На чужбине у него нет ни друзей, ни родных, зачем ему скитаться в одиночестве? Он сбежал из дома, чтобы наказать отца, а не себя.

Линь Хань покачал головой:

— Гостевых комнат свободных нет. Если хочешь, можешь пожить у меня, комната большая, поместится ещё пара кроватей. Поставим их рядом, и вы с Янцзы и Братом Каем будете там спать.

Нельзя же каждый раз, когда приезжают гости, укладывать их в гостиной.

— И на том спасибо, — кивнул Цзи Ичэн. Ему было неважно, где спать. Когда на душе спокойно, можно и на бетонном полу уснуть.

Сказав это, он поставил чемодан на пол и, хлопнув Цзян Яна и Го Кая по плечам, сказал:

— Янцзы, Брат Кай, пойдёте таскать кровати со склада. Выбирайте те, что разбираются.

На складе семьи Линь хранилось много всякого хлама, в том числе и кровати. Только перед использованием их нужно было хорошо протереть.

Го Кай кивнул:

— А-И, и вы, Ци и Линь Линь, пойдёте с нами. Лишние руки не помешают.

Сказав это, он порылся в своём чемодане, нашёл маленькую коробочку и, подойдя к Фэйфэю, присел на корточки. Он легонько ткнул пальцем в пухлую, слегка припухшую щёчку малыша.

— Я привёз тебе подарок, но, похоже, тебе его нельзя есть. Так что просто смотри.

С этими словами он протянул Фэйфэю прозрачную коробочку.

Фэйфэй взял её и с удивлением воскликнул:

— Это Фэйфэй?

Го Кай кивнул:

— Да, это из сахара, так что сейчас тебе можно только смотреть, есть нельзя.

В прозрачной коробочке лежала сахарная фигурка, на пятьдесят процентов похожая на Фэйфэя. Только, видимо из злого умысла, щёчки у фигурки были в два раза пухлее, чем у самого Фэйфэя, и всё лицо было круглым, как яблочко.

Линь Яо, увидев коробочку в руках Фэйфэя, сначала посмотрел на неё, а потом указал пальцем и сказал:

— Братик!

Затем, посмотрев на Фэйфэя, добавил:

— Братик красивый.

Он хотел сказать, что хотя сахарная фигурка и похожа на брата, сам брат красивее.

— А малыш-то разбирается в красоте, — сказал Го Кай, обращаясь к Линь Яо. Но нельзя было не согласиться, Фэйфэй действительно был очень красивым ребёнком.

Фэйфэй, держа коробочку, поблагодарил Го Кая:

— Спасибо, братик.

— Не за что, главное, чтобы Фэйфэю нравилось, — сказал Го Кай и собрался идти таскать мебель. Уходя, он ещё раз напомнил: — Помни, есть нельзя.

Фэйфэй кивнул:

— Фэйфэй не ест сладкое.

Дядя-доктор сказал, и Фэйфэй запомнил.

Примерно через десять минут онемение во рту у Фэйфэя прошло. Он потрогал языком место, где болел зуб, — боли больше не было.

Фэйфэй решил, что теперь можно и поесть.

Малыш подошёл к Линь Сыняню и, задрвав голову, сказал:

— Папа, Фэйфэй голодный.

Линь Сынянь посмотрел на часы. Доктор сказал, что есть можно через час-два после пломбирования. Время как раз подошло. Он кивнул и спросил:

— Что Фэйфэй хочет съесть?

— Хочу тортик, — Фэйфэй всё ещё мечтал о том фруктовом тортике, который ему так и не удалось попробовать. Но он помнил, что рядом Линь Яо, а он — старший брат. Поэтому он щедро добавил: — Фэйфэй может поделиться тортиком с Яояо.

Маленький тортик, размером чуть больше двух сложенных вместе ладошек Фэйфэя, был усыпан кусочками фруктов. Перед тем как убрать его в холодильник, Фэйфэй успел заметить, что там много его любимых фруктов.

Там были клубника, киви, манго, персик и дыня, политые блестящим прозрачным джемом и разбросанные по всему небольшому тортику.

А ещё Ли Сюй сделал торт трёхслойным, и в разрезе было видно, как крем и фрукты соединяются с бисквитом.

Мягкий бисквит, сладкий крем и фрукты — выглядело очень вкусно!

Линь Сынянь, услышав это, вскинул бровь.

— Фэйфэй хочет тортик?

— Угу, — кивнул Фэйфэй, глядя на Линь Сыняня большими глазами. — Фэйфэй сегодня был в больнице, а тортик всё ещё в холодильнике.

Линь Сынянь с сожалением покачал головой:

— К сожалению, Фэйфэю только что вылечили кариес, поэтому тортик есть нельзя.

Малыш не понял.

— Фэйфэй может есть, — сказал он и даже пошевелил зубами.

Не болит же, значит, Фэйфэй может есть.

— Но торт сладкий, а Фэйфэю сейчас нельзя. Фэйфэй забыл, что сказал дядя-доктор? — Линь Сынянь не сказал, что теперь придётся ещё строже контролировать количество сахара в рационе малыша.

Полностью лишить его сладкого было нереально, но есть столько, сколько раньше, точно будет нельзя.

Фэйфэй серьёзно задумался.

— Дядя-доктор сказал, Фэйфэю нельзя есть конфеты.

Вот именно. Фэйфэю нельзя конфеты. А Фэйфэй будет есть тортик.

— Но в тортике тоже есть сахар, поэтому Фэйфэю нельзя, — безжалостно разрушил его логику Линь Сынянь.

Малыш замер и повторил:

— Не... нельзя есть?

Линь Сынянь с тяжёлым сердцем кивнул:

— Да, нельзя.

У Фэйфэя появилось дурное предчувствие.

— А... шоколад можно?

— Нельзя.

— А сладкий суп можно?

— Сегодня нельзя.

— А яблоки в карамели?

— Нельзя.

— А пудинг?

— Тоже нельзя.

Фэйфэй: ...

<http://bllate.org/book/13654/1596787>